

И ТЕАТРУ НУЖНЫ КРЫЛЬЯ

А КРЫЛЬЯ НУЖНЫ нам для большого и смелого полета творческой мысли, для того, чтобы подниматься все выше и выше к коммунистическим высотам — эти слова сказаны Н. С. Хрущевым на Всесоюзном совещании передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда.

Бригады коммунистического труда — юное, но могучее движение. Мечта и плановость не спорят в нем друг с другом, а творческое вдохновение подтверждается прогрессом техники. Хорошо то, что высокий пример возбуждает желание следовать ему, не подражать, а именно следовать за новаторами труда.

Это добрые богатыри: они возьмут на буксир отстающих, разбудят сонных, научат неумелых, встряхнут ленивых, ободрят унылых.

Миллионы простых людей борются с остатками всего, что враждебно труду, прогрессу, культуре.

Многое, очень многое уже достигнуто. Ослабли те огни, которые раньше враги, о которых в прошлом веке писал Владимир Даль в «Солдатских досугах»: «Есть у русского человека три врага, три супостата вековечных, которые губят многое множество православного народу; бойся их и берегись».

Три супостата эти — три родные братья; один прозывается **авось**, другой **небось**, а третий **как-нибудь**.

Только поддайся им, поверь только тому, чему они тебя учат, и пропадеешь, не дадут и оглянуться».

Хотелось бы, но нельзя признать, что изгнаны нами навечно последние этих трех супостатов.

И надо так разбить их, чтоб следов от них не осталось...

Драматический театр велик своим прошлым, новую молодость дала ему революция, и молодым обаян он встретит будущее.

Лицо нашей действительности не нуждается в румянах: оно прекрасно своим трудовым воодушевлением, ответами высокой исторической цели. Если говорить об искусстве сценическом, то, кроме зеркала сцены, нашу жизнь и нашего человека отражает и полотно киноэкрана и линзы телевидения — соперники ли мы?

В 13-м, 14-м году, когда в зачатке еще был кинематограф, Станиславского уже тревожит судьба драматического театра. Он пишет:

— Что же это — кризис театра? Неужели правы те, которые уже давно читают ему отходную?

Неужели и впрямь синемаграф Патэ затмил Софокла, Шекспира, Гёте, Байрона, Гоголя, Островского, Чехова и всех мировых артистов сцены?

Но тогда синемаграф был скорее достижением оптической техники, — как сценическое искусство он еще не существовал. Великий немой пришел в жизнь удивительно счастливым дитятей, которому прощались все его слабости.

Кино наших дней — сила, и тем не менее, признавая высочайший авторитет и крупнейшее значение кино и телевидения в жизни нашего народа, мы — театр, не должны, не смеем уступить им свое первородство.

Да, кино и телевидение обладают могущественными силами, каких нет у театра, но основа их могущества все же актер, и нередко актер именно драматического театра с его давним даром сценического перевоплощения.

Впервые образ Ленина в кино

Серафима БИРМАН,
народная артистка РСФСР

□ □

выразили Щукин и Штраух — актеры драматического театра.

После длительного периода увлечения типажем, т. е. данностью, кино призвало необходимость творческого процесса формирования образа. Почему же возникает мысль, что кино заменит театр?

Почему не является закономерной дружба, не говоря уже о соучастствовании кино и театра?

Народ любит кино, значит ли это, что забыт театр?

На международном театральном фестивале 1935 года, состоявшемся в Москве, выступил один из видных деятелей театра Франции: он не был согласен с мнением других, что наши актеры лучшие в мире:

«У нас, — сказал он, — тоже прекраснейшие актеры, но я не знаю правительства, которое так заботилось о культуре и искусстве, как заботится правительство Советской России, и не встречал народа, который так всей душой любил бы театр, как любит его советский народ».

Выступивший был прав во всем, кроме оценки актеров советского театра: дело идет не только о размерах талантов наших актеров, но о новом отношении к делу своей жизни, о постижении ими нового смысла профессии, об общем стремлении советских актеров к Театру с большой буквы, а не просто к зрелищному предприятию.

С ВЕЛИКОГО Октября началось время, благоприятствующее правде и вдохновению сценического искусства.

Нет! Не станет театр утилем в истории искусства.

Только он один, единственный без средостений, лицом к лицу встречается со зрителем! В нем наиболее охраняются законы творческой природы актера.

Величайшее культурное значение художественной самостоятельности и народных театров находится в тесной связи с процветанием старшего брата — профессионального театра.

Да, не достигнут расцвет, который радовал бы зрителей и самих деятелей театра, не достигнут еще, хотя нет среди нас самоуспокоенных, обольщенных состоянием своего дела.

Понимаем и признаем свои ошибки и промахи. Понимаем, что в долгу перед зрителями, что пора оплатить задолженность. Пора от слов и эмоций перейти к делу, разрешению вопросов, стоящих перед театрами нашей страны. Мы едины в стремлении выполнить волю партии и народа, что может быть желаннее для нас, чем театр — властитель дум?

Репертуар? Предоставим драматургам решать проблемы их творчества — ведь вполне ясно, что без истинных страстей и правдоподобия чувств не существует ни драматургия, ни театр.

Займемся теми задачами, которые нам непосредственно и неотложно надлежит решить. Для этого вполне надо освоить наследство, завещанное нам борцами за русское и советское искусство.

Надо, чтоб молодежь овладела профессиональными знаниями еще учениками школ и студий.

Преподаватели сценического искусства, почему мы вместо того, чтоб развить в будущих актерах охоту к самостоятельному труду, сами трудимся за них, стремимся с казовой стороны вылить на экзаменах своих учеников?

Станиславский не бросался громкими словами.

Он был застенчив, когда говорил о своей системе, застенчив, почти робок. И только в конце своего жизненного пути разрешил себе дерзновенное утверждение: «...не следует забывать, что просто способные никогда не станут гениями, но благодаря изучению своей артистической природы, законов творчества и искусства, скромные таланты породнятся с гениями и станут с ними одного толка».

Успех спектакля решается на репетициях. Вот где куется его судьба. Вот где необходима трудоспособность и творческая мобилизованность работников театра, всех его цехов. От мала до велика.

И как важно, чтоб от мала до велика каждый работник театра ощущал, что он нужен, даже если исполняет маленькую, даже бессловесную роль. Неплохо было бы назначить премии за истинно творческое участие в народных сценах, а

прессе отмечать актеров, сумевших создать образ, независимо от количества слов роли. Условно: порицание должно сочетаться с поощрением. Актер, отчаявшийся в себе, так же отнимает силу у театра, как и заласканный, забалованный не по заслугам. На старших лежит ответственность за судьбы молодых, за судьбы театра.

ПЕРЕДОВЫЕ РАБОЧИЕ Ленинграда при социализме на общественных началах создали совет новаторов. Там делаются опыты, обсуждаются замыслы и почин, в результате чего ценные предложения внедряются в жизнь.

И если неспециалисту мало что говорят такие термины, как: «хвостовые фрезы», «шпиндели», «расточные станки», то понятно, какое значение имеет совет людей, досконально знающих ленинградские предприятия, в особенности потому, что совет новаторов выносит свои рекомендации «не в общем и целом», а конкретно для того предприятия, где новшество может быть особенно полезным.

Если б между членами художественных советов разных театров было бы такое живое общение, ведущее к признанию и рекомендации полезных делу, вполне обоснованных практических предложений.

Абсолютно устарели наши общественные просмотры спектаклей: букет и приветствие дороги, конечно, исполнителям, но часто это лишь проявление любезности, — что оно дает для развития актерского и режиссерского искусства?

Заседаем мы часто и длительно, эмоционально нервозно, но не делово. Не умеем критиковать конструктивно, как нередко не владеют этой способностью и профессиональные критики. Впечатления не заменят взгляда в корень вопросов, впечатления пассивны. Нам нужны выводы, меры, вводимые в практику жизни и работы театра.

Театр — дело народное: вряд ли ренцензия, написанная с маху, не рискует стать легкой. И необходима тактичность критикующих, советская тактичность на наших театральных производственных совещаниях, где нередко грубость выступающих принимается как прямота.

Хирургические операции души требуют умения и осторожности, нельзя разрушать вместе с опухолями индивидуализма веру в себя. Вера в себя позволяет если не летать, то идти вперед. Вера, надежда на себя уязвимы.

Насколько глубокая и деловая критика стимулирует нашу деятельность, повышает требовательность к себе, настолько неодобрение, выраженное в недопустимой форме, или необоснованное восхваление лишают нас порой воли к труду. Театр черпает свои силы, прильнув сердцем к родной земле, к могучей груди народа. Но нельзя театру старыми средствами отобразить мужество советских людей, творческую высоту их трудового подъема. Надо для этого найти новые поэтические средства, не теряя при этом ничего из драгоценного опыта прошлого и окончательно избавившись от тяжелого балласта штампов, мешающих искусству в его движении вперед.

Всем душевным мужеством, всей верностью идее нашего государства, всей организацией труда, совершенствованием творческого метода мы добьемся окрыленности своей профессии, чести и радости выполнения социалистических обязательств советского драматического театра перед советским наро-

«ЛЭВЕСТИЯ»
МОСКВА
9 АВГ 1960